

НАУЧНОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЕ В КРИВОМ ЗЕРКАЛЕ «НЕОХРИСТИАНСТВА»

А. МОИСЕЕВА

Задача формирования научного мировоззрения, как отмечалось на XXIV съезде КПСС, приобретает особую актуальность на современном этапе исторического развития, который характеризуется обострением идеологической борьбы. «По-прежнему актуальна борьба против правого и «левого» ревизионизма, против национализма с наибольшей остротой выявились попытки с различных сторон атаковать марксизм-ленинизм как идейно-теоретическую основу коммунистического движения»¹⁾.

В борьбе с идеями научного коммунистического мировоззрения империалистическая буржуазия соединяет все реакционные силы. Одной из наиболее реакционных и ходовых концепций апологетов империализма является концепция «нового, очищенного, возрожденного» христианства или «неохристианства», представленная идеями и теориями Н. Бердяева, С. Булгакова, С. Франка и др.

Возникнув как одно из средств борьбы против развивающегося марксистско-ленинского мировоззрения, «неохристианство» стремилось навязать трудящимся массам «новое» мировоззрение, стержнем которого должна стать модернизированная религия, такая религия, которая обратится к «земной судьбе человечества, освятит культуру, станет центром обществу».

С позиций этой «новой» религии «неохристиане» стремились «развенчать», дискредитировать марксизм-ленинизм. При этом способом дискредитации марксизма-ленинизма была попытка представить марксизм как религию, а затем преодолеть, опровергнуть его как ложную религию. «Марксизм, — писал Н. Бердяев, — есть религия, новая религия, идущая на смену христианству»²⁾. С. Франк в псевдонаучной работе «Марксизм как мировоззрение» утверждал, что «материализм не есть по существу теоретическая онтология, не научное учение о составе мира, а вера в определенные ценности, утверждение определенной иерархии жизненных ценностей»³⁾.

Методологической основой их умозаключений явился философский идеализм. Синтезируя идеализм, иррационализм и мистику, Н. Бердяев,

¹⁾ «Материалы XXIV съезда КПСС». М., 1971, стр. 20--21.

²⁾ Н. Бердяев. Марксизм и религия. Варшава, 1929, стр. 24.

³⁾ С. Франк. Материализм как мировоззрение. Варшава, 1928, стр. 24.

С. Булгаков, С. Франк пришли к выводу о «религиозной формации» человеческой души, не выносящей пустоты в религиозном отношении. Материализм и атеизм противоречат природе человека, утверждали они, интерпретируя при этом любое мировоззрение как религию. «Я вообще думаю, — писал С. Булгаков, — что на дне всякого мировоззрения находится вера»⁴⁾. Всякое мировоззрение — религия, провозглашал С. Франк, религия истинная или ложная. Но даже ложная религия, по мнению С. Франка, как, например марксизм, утверждающий веру в человека, несет в себе «зачаток истины», так как все-таки «бог один и перегородки наших вероисповеданий не доходят до неба»⁵⁾.

Развивая это положение дальше, «неохристиане» приходили к выводу, что предметом любого мировоззрения является отношение: человек — бог, выраженное в виде веры, веры истинной, как христианство, или извращенной, как марксизм. Подобная постановка вопроса вызывает возражения, ибо история развития человеческой мысли знает несколько типов мировоззрений: мифологическое, религиозное, научное. Каждое из них различается по условиям формирования, а также по тому, каким образом человеку представляется мир и каково отношение человека к миру. В классификации типов мировоззрений заявка «неохристиан» может быть квалифицирована как теоретически несостоятельная. К тому же она лишняя раз доказывает, что идеологи господствующих классов кровно заинтересованы в распространении взглядов, которые бы культивировали религию, мистицизм, призывали трудящиеся массы к смирению и удерживали от борьбы за освобождение от социальных несправедливостей.

«Неохристиане» не только объявили марксизм религией ложной и несостоятельной, но и предприняли попытку все содержание марксизма свести к атеизму, интерпретируемому как «религиозная ересь», «извращенная вера», основное назначение которой — борьба с христианской религией. Существо марксизма, говорил С. Булгаков, не в социализме, не в материализме, а в его религиозно-философских идеях⁶⁾. По мнению С. Франка, атеизм есть отсутствие веры в «то, во что следует веровать» и обращение своих неиспользованных сил на то, «во что веровать нельзя». Мысль Франка как бы конкретизировал Н. Бердяев, утверждая, что «атеизм прежде всего забвение Христа, бога страдающего и жертвенного»⁷⁾. С. Н. Бердяевым перекликался С. Булгаков, поясняя, что «самоутверждение человека вне бога принимает характер сознательного обожения твари и определяется как атеизм»⁸⁾ или секуляризованная вера в человека, направленная против христианства.

Тем самым «неохристиане» извращали суть марксистского мировоззрения, стремясь выхолостить из него главное и основное. Для классиков марксизма-ленинизма борьба против религии никогда не была самоцелью, а задача преодоления религиозных пережитков являлась вопросом, подчиненным главной задаче — борьбе за успешное созидание социализма и коммунизма.

Основное содержание марксизма: революционное преобразование мира, уничтожение капитализма, коренное изменение жизни людей, отношения человека к человеку апологеты буржуазии стремились свести к атеизму, фальсифицируя при этом само понятие атеизма и объяв-

⁴⁾ С. Булгаков. От марксизма к идеализму. СПб., 1905, стр. 99.

⁵⁾ С. Франк. Духовные основы общества. Париж, 1930, стр. 189.

⁶⁾ С. Булгаков. Два града. Т. 1, М., 1911, стр. 7.

⁷⁾ Н. Бердяев. Русская религиозная психология и коммунистический атеизм. Париж, 1931, стр. 29.

⁸⁾ С. Булгаков. Два града. Т. 1, М., 1911, стр. 10.

для философию марксизма и научный социализм «средством для атеизма».

По мнению теоретиков «нового религиозного сознания», диалектический материализм и учение о научном коммунизме не представляют никакой теоретической и практической ценности. Н. Бердяев квалифицировал диалектический материализм как «нелепое соединение» диалектики и материализма, в котором материализм выступает «оболочкой марксизма», необходимой марксизму для борьбы с христианством». «Не следует понимать слишком буквально материалистическую символику коммунизма, она условна и есть лишь борьба против религии христианства», — убеждал Н. Бердяев⁹⁾. Диалектика, по мнению Н. Бердяева, не применима к материи, она применима только к логике, к процессу мысли, материализм не соединим с диалектикой. В рецензии на книгу В. Ф. Асмуса «Очерки истории диалектики в новой философии» Н. Бердяев писал: «...диалектический материализм есть лишенное смысла словосочетание, возможна лишь диалектика мысли, идеи, духа, а не атомов материи, не экономики»¹⁰⁾.

С. Булгаков объявлял диалектический метод Маркса «чистым недоразумением». «У Маркса же вовсе нет никакого диалектического метода, притом иного, чем у Гегеля... То, что Маркс (а за ним и его школа) называл у себя методом, на самом деле есть манера изложения его выводов в форме диалектических противоречий, манера письма под Гегеля»¹¹⁾. Апологеты буржуазии метафизически противопоставляли материализм и диалектику, преследовали цель лишить рабочий класс научного мировоззрения, каким является диалектический материализм. Однако научное мировоззрение марксизма опирается на принцип признания объективности материального мира и его постоянного, последовательного изменения, движения, развития. Только исходя из этого принципа, возможно понимание того органического единства, которое существует между диалектическим методом и материалистической теорией. Поскольку теорией мы называем отражение в понятиях законов действительности, то диалектика есть не только метод, но и теория. Теоретические положения диалектики представляют собой отражение объективных закономерностей¹²⁾. Методологическое значение материалистической теории убедительно показано К. Марксом в противопоставлении своего метода методу Гегеля. «Мой диалектический метод по своей основе не только отличен от гегелевского, — писал Маркс, — но является его прямой противоположностью. Для Гегеля процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург действительного, которое составляет лишь внешнее его проявление. У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»¹³⁾. Диалектика может быть подлинно научной и последовательной только на основе философского материализма. Что касается материалистической теории, то она развивается без всяких уступок идеализму лишь в тесной связи с диалектикой.

Марксистский же атеизм как высшая форма атеизма мог стать таковым, развиваясь на основе диалектического материализма. Он принципиально отличается от того атеизма, которым оперируют «неохристиане», естественно, что с его выводами и воюют религиозные

⁹⁾ Н. Бердяев. Марксизм и религия. Варшава, 1929, стр. 17.

¹⁰⁾ Н. Бердяев. «Путь», 1931, № 27, стр. 109.

¹¹⁾ С. Булгаков. Два града. Т. 1, М., 1911, стр. 82.

¹²⁾ А. Фурман. Материалистическая диалектика. Изд-во МГУ, 1969, стр. 3.

¹³⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 21.

философы, которых раздражает даже само понятие научного атеизма, ассоциирующееся, по мысли С. Франка, с «деревянным железом».

Теоретики «нового религиозного сознания», стремясь представить марксизм религией, используют традиционный прием буржуазной идеологии — анализируя учение Маркса в категориях религиозной философии. Марксизм, утверждает, в частности, Н. Бердяев, имеет своего бога, свою апокалиптику, свой катехизис, свою эсхатологию, а также свою ортодоксальную схоластику и инквизицию¹⁴). По мнению С. Булгакова, в марксизме предметом веры является «мифологический абстракт, пантеистическое понятие закона развития производительных сил, а мессианским скорбям марксизм противопоставляет, согласно «теории обнищания», прогрессирующее обеднение народных масс, сопровождаемое ростом классовых антагонизмов. Центральной же категорией религии марксизма, с точки зрения «неохристиан», является идея пролетариата, «бога марксизма». Поскольку пролетариат — идея, рассуждают «неохристиане», то этой своей стороной марксизм выступает как идеализм, стремясь подчинить действительность идее. «Мессианская идея пролетариата и есть основной миф марксизма, его вдохновение, его активность, способность вызвать активность и восстание рабочих масс», — писал Н. Бердяев¹⁵). Идея мессианства пролетариата, с точки зрения Н. Бердяева, самое утопичное и самое оригинальное создание Маркса. «Совершенно ясно, что пролетариат Маркса не есть тот эмпирический рабочий класс, который мы наблюдаем в действительности, это есть идея-миф, а не эмпирическая реальность»¹⁶). Рабочий класс, который имеет место в капиталистическом обществе, не совпадает с идеей пролетариата, рассуждает Н. Бердяев, так как по своей структуре он чрезвычайно сложен и характеризуется различными уровнями самосознания.

Однако, как свидетельствует история, пролетариат не миф и не идея, а реальная сила в борьбе против буржуазии, сила, которая является носителем коммунистической идеологии, ставящей своей задачей уничтожение буржуазного строя посредством социальной революции.

Марксисты никогда не считали, что рабочий класс можно организовать и повести на борьбу против социальной несправедливости на основе религии, веры. Напротив, классики марксизма-ленинизма призывали к борьбе против всех форм фидеизма, за развитие самостоятельного, критического мышления рабочих. Заслуга марксизма заключается в том, что он превратил социализм из утопии в науку, вооружил трудящиеся массы научным знанием и пониманием закономерностей общественного развития. Поэтому учение Маркса и является источником моральной силы рабочих в борьбе за социальный прогресс, социализм и коммунизм. Источник этой моральной силы состоит именно в научности, в научном мировоззрении марксизма, а не в фидеизме, вере, как стремился представить Н. Бердяев. Рабочий класс, вооруженный научной теорией марксизма, — это живая, движущая сила истории, сила, которая заставляет апологетов буржуазии типа Н. Бердяева, С. Булгакова и С. Франка братья за перо и выискивать «новые» вариации защиты буржуазного общества, не останавливаясь перед клеветой и идеологическим шантажом.

Отождествляя марксизм с религией, теоретики «нового религиозного сознания» вели атаку на принцип пролетарского интернационализ-

¹⁴) Н. Бердяев. Генеральная линия в советской философии и воинствующий атеизм «Путь», № 34, Приложение.

¹⁵) Н. Бердяев. Марксизм и религия. Варшава, 1929, стр. 38.

¹⁶) Н. Бердяев. Правда и ложь коммунизма. «Путь», 1931, № 26, стр. 17.

ма, стремясь ослабить классовую солидарность трудящихся, расколоть ряды рабочего класса. Пролетарский интернационализм, заявлял С. Булгаков, — это «суррогат церковного католического сознания». «Ибо о чем же как не о католичестве, если не человечестве, то хотя бы его части, говорит призыв: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь»¹⁷⁾. Религиозный философ противопоставлял коренным интересам международного пролетариата (борьбе за демократию и социализм, освобождению от классового гнета) идею объединения на религиозной основе. Выразитель «новых» методов апологетики капитализма, С. Булгаков понимал, что доведенная до своего логического конца интернациональная идея классовой солидарности означает колоссальную концентрацию мощи трудящихся, против которой не устоять капитализму. Поэтому идеолог буржуазии торопился дезориентировать и дезинформировать трудящихся, противопоставляя революционной, общественно-исторической практике религиозные искания.

Объектом для нападок буржуазной идеологии всегда был марксистский принцип диалектического единства и взаимодействия общественно-исторической практики и научной теории. Н. Бердяев, в частности, противопоставляя теорию марксизма исторической практике и революционной борьбе пролетариата, писал: «Марксизм как целостное мировоззрение совсем не основан на историческом опыте и историческому опыту противоречит. Он исходит из положений, принятых на веру»¹⁸⁾. Сразу следует отметить, что теоретическая несостоятельность данного положения заключается прежде всего в метафизическом подходе к анализу марксизма как теории. Научно объяснить сущность теории марксизма — это значит вскрыть причины, благодаря которым возник и развивается марксизм. А посредством метафизики, которая является гносеологической основой идеализма и неизбежно ведет к нему, этого сделать нельзя.

Теоретические положения марксизма, его основные принципы отражают диалектику развития объективной действительности, общественную практику. Марксизм интерпретирует практику как предметную деятельность людей, направленную на преобразование объективной действительности и, в конечном счете, определяющую все остальные проявления человеческой деятельности. Сущность практики проявляется в активном отношении человека к миру объективной действительности и в отношении человека к человеку в процессе преобразующей, производственной деятельности. Поэтому практика не есть что-то абстрактное и одностороннее, на каждом исторически конкретном этапе развития общества она выступает как проявление двух форм деятельности: материальной и социально-преобразующей¹⁹⁾. Совокупность этих форм является определяющей для всех видов человеческой деятельности: производственная деятельность составляет материальную основу, а социально-преобразующая деятельность общественно-историческую основу. Вне этих основных форм практики невозможно существование человеческого общества.

Существенным моментом практики является ее взаимодействие с теоретической деятельностью. Если в условиях одного типа практики социально-преобразующая деятельность обусловлена обыденным сознанием и эмпирическим знанием, то в условиях другого типа она не только требует в качестве руководства научной теории, но и попросту невозможна без нее. В частности, в условиях развития и загнивания

¹⁷⁾ С. Булгаков. Два града. Т. 2, 1911, стр. 45.

¹⁸⁾ Н. Бердяев. Марксизм и религия. Варшава, 1929, стр. 32.

¹⁹⁾ И. Т. Якушевский. Об основных формах практики. Уч. зап. кафедры диалект. и историч. материализма ВПШ при ЦК КПСС. Вып. 2, М., 1960.

капитализма пролетариат, выросший как класс, нуждался в научной теории. Такой теорией явился марксизм как мировоззрение рабочих. Верность теории марксизма была доказана в последнем столетии прогрессирующей, революционной деятельностью пролетариата.

Теория марксизма, отражающая такие объективные закономерности, как неизбежность гибели капитализма, необходимость и закономерность созидания социализма и коммунизма, продемонстрировала такие черты научной теории, как объективная истинность, логическая цельность, непротиворечивость. Произвольное, субъективистское отношение к марксистскому мировоззрению неизбежно ведет апологетов буржуазии типа Н. Бердяева к противоречиям с объективной действительностью, а выдвигаемые ими умозаключения повисают в воздухе, не находя подтверждения в жизни. Истинность марксизма, соответствие его выводов объективной действительности вызывает гнев теоретиков «неохристианства», недоумевающих: «Почему замызганному, грязному рабочему должна открыться истина...»²⁰).

Апологеты буржуазии — «неохристиане» — стремились повернуть историю вспять, разоружить трудящиеся массы, оторвать рабочий класс от идеологии марксизма. Эта тенденция сближает теоретиков «нового религиозного сознания» с оппортунистами и ревизионистами. С. Булгаков, в частности, считал справедливым ревизионистское сведение марксизма к мелким реформам, отрицая тем самым идею социальной революции и диктатуру пролетариата. Он писал: «Бернштейн уничтожает революционную душу марксизма — идею мессианства пролетариата, идею классовой борьбы. Бернштейнианство есть марксизм, обрвавший себе духовные крылья, лишенный прежнего религиозного воодушевления и идеалистического размаха, сведенный к проповеди малых дел социальной политики»²¹).

С. Булгаков пытается подчеркнуть «объективность» своего анализа марксизма, утверждая, что марксизм якобы это положительное устройство «малых дел», повседневных благ человека. Но марксизм не может воодушевить человека, рассуждает религиозный философ, облегчить его земные страдания, указать цель и путь жизни человеческой. По мнению Булгакова, наполнить жизнь человека смыслом может лишь христианство, но христианство не старое, историческое, а «новое», очищенное от грехов истории, жизнеутверждающее. «Новое», жизнеутверждающее христианство даст марксизму недостающую ему духовную основу, «...пусть социалисты делаются христианами, а через то и христианизируется их социализм»²²).

Булгаковские вариации на тему о «новом», дающем цель и смысл жизни христианстве, являются типичным выражением идей христианского социализма. Христианский социализм был одним из главных средств борьбы с рабочим движением не только у «неохристиан» в России, но и на Западе. Идеи христианского социализма нашли свое отражение в папской энциклике «Рерум новарум». В связи с этим В. И. Ленин писал, что «злоупотребление словами — самое обычное явление в политике. «Социалистами», например, не раз называли себя и сторонники английского буржуазного либерализма ...и сторонники Бисмарка и друзья папы Льва XIII»²³).

Очередным методом фальсификации марксистско-ленинского мировоззрения является противопоставление учения Маркса, как теории в целом, практическому осуществлению его идей на русской почве.

²⁰) Н. Бердяев. Марксизм и религия. Варшава, 1929, стр. 34.

²¹) С. Булгаков. Христианство и социализм. М., 1917, стр. 39.

²²) С. Булгаков. От марксизма к идеализму. СПб., 1905, стр. 14.

²³) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 118.

Марксизм устарел, утверждал Бердяев. «Русский же коммунизм возник в совершенно иной, неведомой Марксу исторической обстановке, в новом мире Востока, и он изменил Маркса до неузнаваемости, оставаясь верным лишь антирелигиозному духу марксизма²⁴). Поэтому русский коммунизм якобы чужд Западу, неприменим на Западе, это продукт русской цивилизации. Русская же цивилизация, по мнению «неохристиан», проникнута духом мессианства, который идет от русского «раскола» к славянофилам, от них к Соловьеву и Достоевскому и позже к религиозно-философским течениям конца XIX начала XX веков.

Из идеи мессианства русского народа «неохристиане» выводили идею «русской души», которой свойственны жалостливость, сострадание, человеколюбие. Эти свойства русской души с точки зрения религиозных мистиков, оригинально проявились в революции 1917 года. Благодаря своей религиозной самоотверженности и страстности, утверждал Н. Бердяев, «русская душа» откликнулась на ущербную религию марксизма, и рационализм Маркса, «преломившись» в иррациональной русской стихии, деформировался. Результатом этой деформации явился русский коммунизм.

На этих и подобных «доказательствах» «неохристиане» строят целую концепцию отличия ленинизма от учения Маркса, «вскрывают» сущность коммунизма, его «восточные» и «западные» корни, объясняя, что марксизм нашел применение в России лишь благодаря тому, что он — своеобразная религия. Религиозное содержание марксизма будто бы роднит его с ленинизмом, именно поэтому «Ленин воспринял не столько научные элементы марксизма, сколько мессианские его элементы»²⁵), — писал Н. Бердяев.

Поэтому и коммунизм, по мнению Бердяева, выступает как религиозная вера, возникшая на пересечении марксизма как рационализма и иррациональной русской стихии, как своеобразная религия²⁶). Коммунизм интерпретируется «неохристианами» как определенная вера, вера, противоположная христианству. Духовное совершенство коммунистов и их высшие человеческие качества теоретики «нового религиозного сознания» объясняют влиянием и действием религии — коммунизма. «Лучший тип коммуниста, т. е. человека целиком захваченного служением идее, способного на огромные жертвы и на бескорыстный энтузиазм, возможен только вследствие христианского воспитания человеческих душ... Результаты этого христианского влияния, часто незримого и надземного, остаются и тогда, когда в своем сознании люди отказались от христианства и даже стали его врагами. Если допустить, что антирелигиозная пропаганда окончательно истребит следы христианства в душах русских людей, то осуществление коммунизма сделается невозможным»²⁷).

Это положение Н. Бердяева стало одним из исходных моментов для современных фальсификаторов истории ленинизма и коммунизма в России — антикоммунистов. На основе этих измышлений они пытались и пытаются доказать, что несмотря на «религиозное родство» марксизма и ленинизма, идеи Ленина и опыт революции 1917 года явление «чисто русское», для других стран значения не имеющее.

Теоретики «нового религиозного сознания» пропагандировали идею, что «Маркс устарел и принадлежит отошедшему XIX веку»,

²⁴) Н. Бердяев. Марксизм и религия. Варшава, 1929, стр. 4.

²⁵) Н. Бердяев. Русская религиозная психология и коммунистический атеизм, Париж, 1931, стр. 37.

²⁶) Н. Бердяев. «Путь», 1931, № 30, стр. 7.

²⁷) Н. Бердяев. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1945, стр. 138.

когда социальные вопросы решались при помощи классовой борьбы. «Марксизм очень устарел и уже совершенно не соответствует современному уровню научных и философских знаний, современной действительности...»²⁸⁾ В XX веке, по мнению «неохристиан», социальные вопросы ставятся по-новому: все социальные проблемы якобы перерастают в технические и могут быть решены посредством эсхатологии.

Положение «неохристиан» о том, что Маркс устарел, в корне неверно. Мы и сегодня обращаемся к трудам Маркса, Энгельса, Ленина; в частности, основные фундаментальные характеристики капитализма остаются верными на протяжении века, учение о классовой борьбе как движущей силе истории подтверждается большим фактическим материалом — результатом коммунистического, рабочего, национально-освободительного движения. Марксизм как научная теория приобретает все большее количество последователей.

В новых условиях XX века по-прежнему остаются верными выводы Ленина, сделанные им в статье «Наша программа» в 1899 году. В. И. Ленин, подчеркивая необходимость творческого развития марксизма, писал: «Мы вовсе не смотрим на теорию Маркса как нечто законченное и неприкосновенное, мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты должны двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни»²⁹⁾. Однако на пути творческого развития марксистско-ленинского мировоззрения встают «новые» теории Булгакова, Бердяева и др., которые извращают и фальсифицируют научное отношение к действительности, искажают смысл коммунистического мировоззрения, зовут повернуться вспять, воскрешают доктрины и принципы христианского социализма, неокантианство, ставшие уже пройденным этапом.

Но мощь системы социализма, жизненность и глубокая правда идей марксизма-ленинизма свидетельствуют об абсурдности и псевдонаучности «неохристианских» претензий.

²⁸⁾ Н. Бердяев. Марксизм и религия. Варшава, 1929, стр. 4.

²⁹⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 184.